

НАДЯ ПОПОВА

МЕЖДУЦАРСТВИЕ ГОСПОДНЕ

актеру Богдану Глишеву

Этот мир не похож на сцену –
слишком много в нем зла и боли.
Быть зверьками со шкуркой ценной –
нам такая досталась доля.

Этот мир – следопыт, охотник,
и умело ведет он травлю.
Нам спастись от облавы хоть бы –
не хую его, но и не славлю!

Его локти остры, как стрелы.
Как нужны мы для этого мира –
без гроша, без души, без цели,
без какого-то там Шекспира!

Честь опять не в чести. Отбросы
на плаву. И все воры – в своре...
Об Ахматовой и о Бродском
мы уж лучше с тобой поспорим.

И пока их пути и судьбы
мы с тобою опять обсудим,
Про постыдные наши будни
и про стадо свое забудем.

Нет, с единством места и времени
не совпасть нам. Ведь мы – не с ними!
Но что Бог дал своим твореньям,
то, что дал нам – лишь Он отнимет!

перевел Сергей ЛИТВИНЕНКО

* * *

От полнолуния это, мой любимый,
приходит ощущение пустоты.
В такие ночи и такие зимы
безумие слетает с высоты.

Псы на ночных дорогах все свирепей,
снег, как начес овечий, меховой...
Мой этот час.
Мой этот жребий –
жить без тебя,
всецело быть с тобой.

Я с давних дней иду по узкой кромке,
а подо мной прохожих смутный рой,
как задним зеркалом осветит мне потемки
среди дорог бессонный разум мой.

У пропасти стою в жестоком мире
и не могу пред роковой чертой
все повторять,
что дважды два четыре,
что день мудрей, чем вечер и покой,

что не желай приятеля супругу
(и выверты, подобные сему),
они безвкусны, навевают скуку
и не дают прозрение уму.

А мне не страшны колдовские яды.
Кто от беды меня отгородил?
Меня стегали ветви без пощады,
сорвала плод, а он червив и гнил.

Я свыклась, что стенания и муки
улыбкой озаряю
в день святой.
Но только ты
не исчезай как звуки
под черною, беспамятной водой.

Перевел Олег ШЕСТИНСКИЙ

* * *

Я АДРЕСОВ своих не выбирала,
но так случилось, что всегда жила
среди домов, назначенных на слом,
а позже месяцами и годами
толкалась в суматохе новостроек.

Так и не поняла, что значит дом.

Я, арендаторша воздушных замков,
сегодня счастлива,
что явишься ты в гости.
Но только осмотрительней ступай,
ступай внимательно, поскольку в жизни
нет ничего
ужасней сотрясения,
чем при падении воздушной башни.

ИГРА

Я была доброй девочкой.
Но нежданно в памяти всплыло
воспоминание, годами таившееся за дверью:
вольера в парке у моря
с неправдоподобно красивыми птицами,
у которых тайком выдираю перья.

Кто придумал забаву такую?
Вот – доигралась.
За проволочной сеткой ошибок,
превративших мою жизнь в ад,
насмех курам
и прочим двуногим тварям, -
подтверждение, что зло
возвращается удвоенным назад.

А вокруг –
трепыханье и драка, рулады и карканье.
Царство хищных инстинктов,
где лишь птичий ум в чести.
Пух и перья летят.
Только где тот павлин королевский
с его королевой?
Их среди мелюзги
днем с огнем,
днем с огнем не найти!

* * *

Мой мир свернулся до размеров капли –
до дачного поселка,
где спившаяся агрономша катит на велосипеде
в шлепанцах,
поскольку жмут ей туфли;

до садика у дома,
где старик с хромыми костылями
кидает крошки воробьям
из недоеденной позавчерашней булки;

до комнаты,
в которой
совсем прозрачная, почти потусторонняя,
лежит среди подушек мама,
а я ее улещиваю, как ребенка:
...еще хотя бы ложечку...последнюю...самую-самую...

до кровати,
где лежу, не засыпая,
но всю ночь чего-то жду,
не отрывая взгляда от полоски света,
просочившегося
Бог весть откуда.

VITA BREVIS

Между пунктом обмена валюты и булочной –
похоронная фирма „ВИТА-2”.
Не робей, человече,
меняй сбереженья на баксы,
налегке отправляйся к райским кущам
с ватрушкой в руке.

Может быть, в той второй жизни
(пронумерованной, как твой микрорайон),
наконец-то мечты твои сбудутся.

А соседа, накануне давшего дуба,
увезла вроде „РИГА”
к остановке последней, потому как
конкурентная „МИРА” повысила цены...

О, Боже!
Бюро похоронные
с многозначительными, нежными именами –
как поп-фольк певицы,
компаньонки,
танцовщицы кан-кана,
как сирены –
тебя отовсюду манят.

Но ты их не слушай!
Кричи, хохочи, если хочешь - рыдай
среди окон чужих, воссиявших до самого неба,
не спеши раньше времени
в темноту,
под язык спрятав этот обол-валидол.

ОФТАЛЬМОЛОГИЯ

Как нам найти общую точку зрения
при столь разных диагнозах? –
от юного астигматизма
через дальнозоркость пожилого возраста
вплоть до повального бесстыжеглазия?

У слепца с губной гармошкой
тоже свое воззрение на жизнь –
для него она длиной в две-три трамвайных остановки,
а ценность ее измеряется позвякиванием монет
в пластмассовом стаканчике.

Бог со своих высот блаженных, щурясь близоруко,
взирает на людской муравейник:
пенсионеры в защитной форме (из гуманитарной помощи),
тетки в джинсах „секан хенд”,
девочки, как таитянки Гогена,
с колечками в носу и на пупке,
стайки изможденных наркоманов,
шумные футбольные фанаты с клубными шарфиками „Адидас”...

Никто не видит никого.
Все, как слепцы, куда-то прут с белками выцветшими.
И светится неон над головами:
„АД В НАС”.

БОЛГАРСКАЯ ГОФМАНИАДА

На том пиру
во времена безвременья
от блюд изысканных столы ломились.
И гости поглощали их, от пресыщенья распухали,
однако аппетит их тоже возрастал
в геометрической прогрессии –
набрасывались яростно,
друг другу
вгрызались в горло,
пожирали все до корочек, до корок, как в истерике –
герои, боги, лирики и эпика.

Там самозванец Парис
яблоко крутил меж пальцев,
но вместо чтоб в согласии с сюжетом
его игриво кинуть трем богиням,
прицеливался им в троих отважных братьев,
а те, подобно трем галантным мушкетерам,
с поклонами его дарили Змею...

Там в Красной Шапочке девица безутешная рыдала:
О, почему тот страшный, страстный Волк
меня не съел еще в лесу под елью?!
Старуха не чулок вязала, а плела интриги
и зимой, и летом.
Охотник же прикидывался дураком отпетым.

И Дьявол по Евангелию пальцем вел нахально,
все выглядело про-фес-сио-нально!
И кто-то тосты поднимал игриво,
копыта цокали, трепались гривы,
и, разумеется, никто не задавал вопросов
куда плывет сей шумный и абсурдный остров,
и протрезвев наутро,
выбравшись из-под столов и лестниц,
что будем делать –
слезы лить
или с надрывом голосить все те же песни?!

Перевод автора